

Он так и знал!

Он глубоко вздохнул. Знал же, что император не будет столь милостив и явно замыслил недоброе. От него вообще ничего хорошего ждать не стоило.

— Ваш покорный слуга...

Он с трудом обуздал хаотичные мысли.

Если он неправильно сейчас ответит, то пропадёт вместе с семьёй Гэн.

Он колебался, не зная, как ответить. Но тут вдруг вспомнил, что слышал на торжественном банкете в честь восшествия на трон нового императора. Собравшись с духом, Нин Жушэнь решил рискнуть.

Он отложил доклад и склонил голову в глубоком поклоне.

И даже алому придворному одеянию было не под силу скрыть, насколько пряма его спина, какой он стройный, точно сосновый ствол.

— Ваш покорный слуга считает, что казнокрады и преступники, подрывающие закон и благополучие народа, несут угрозу всему государству! Подобных людей следует лишиться имущества, сослать, а их род следует наказать вплоть до девятого колена!

И на несколько мгновений в кабинете повисла гнетущая тишина, словно занесенный над головой меч.

Ли Утин будто бы удивлённо постучал пальцами по столу, а затем с холодной насмешкой в голосе сказал:

— Похвальная неподкупность, министр Нин. То, как легко вы отказались от дружбы, как легко отделили личные отношения и свой долг, обязательства перед Нами и народом, достойно награды...

Помолчав, император продолжил.

— Что ж, тогда Нам следует поступить так, как сказал министр Нин. Признать министра Гэн виновным, сослать и наказать род за предательство.

Трудно было понять, насколько искренен этот вердикт.

Нин Жушэнь не двигался, гадая, с чего вдруг столько похвалы: раньше император не замечал его заслуг. Это ведь всё не спроста.

Он снова глубоко вздохнул:

— Ваш покорный слуга имел в виду, что наказанию подлежат те, кто на самом деле виновен. Те, кто поправил законы империи и пошел против Вашего Императорского Величества.

В императорском кабинете установилась звенящая тишина.

Вдруг Ли Утин заговорил:

— Всем — выйти.

Евнухи, находившиеся в кабинете, в одно мгновение разошлись.

Лишь Дэ Цюань, обливаясь холодным потом, остался стоять в стороне, дрожа как осиновый лист, всем своим видом показывая, что он попал.

Наконец, все были выдворены.

Ли Утин поднялся из-за стола и медленно приблизился к Нин Жушэню. В глубине его тёмных глаз клубились тучи, словно надвигающаяся буря, переполняя их скрытыми эмоциями. Его голос прозвучал холодно и властно:

— Какая дерзость! Кто дал тебе право судить, как следует поступить Императору?

Воцарилась тишина, которую снова прорезал тихий голос Императора:

— И что же за пересуды дошли до твоих ушей?

Нин Жушэнь почувствовал, как сердце забилося быстрее, и он мельком подумал, что, похоже, угадал верно.

Ли Утин, как оказалось, прекрасно знал, что за всем стоят приверженцы покойного наследника престола. Теперь оставался только один вопрос: как он намерен поступить с родом Цуй?

Он ведь только взошёл на престол, ещё не утвердил свою власть не обзавелся поддержкой правительства.

Его положение было шатко. И он пока ничего не мог сделать с семьей Цуй: с какой стороны ни посмотри, сейчас явно не лучшее время для того, чтобы свергнуть их власть.

С другой стороны, если его мать, наложница Сянь, и вправду умерла от рук тогдашней императрицы Цуй...

Если бы он сам оказался оказался на месте Императора, то и днём и ночью только и ждал бы подходящего случая, чтобы показательно расправиться с ними.

— Отвечай императору!

Вновь прозвучал над ним спокойный, но не терпящий промедления голос.

Нин Жушэнь на миг замер, потом выпрямился и произнёс:

— Ваше Величество, простите вашего покорного слугу, я лишь наслушался бредней помощника министра Гэн Яня...

Ли Утин молча смотрел на него.

А Нин Жушэнь спокойно продолжил:

— Он говорил, что все деньги Министерства финансов забрала семья Цуй. Наблюдая за ним в тот миг, я видел, как он сильно переживал из-за этого: кулаки сжимал так, что пальцы покраснели, зубы стискивал. Выглядел он так, словно не лгал. Поэтому я осмелился доложить Вашему Величеству в надежде, что истина будет раскрыта, а виновные — строго наказаны!

Выпалив всё это на одном дыхании, он и мысленно успел прикинуть: ровно шестьдесят восемь слов.

Он разыграл всё как по нотам. Теперь «право хода» перешло к Императору.

Погрузившись в свои тихие подсчёты, Нин Жушэнь внезапно услышал слова Ли Утина:

— Выходит, Мы неправильно поняли министра Нина.

От этих слов Нин Жушэнь взглянул на владыку с надеждой: теперь он передумал его наказывать?

А император продолжал:

— И отношения министра Нина и помощника министра Гэна, судя по всему, далеки от дружеских.

Господи, да какое это вообще сейчас имело значение?!

Но пока он думал, что сказать, и требуется ли от него ответ, Император уже отвернулся.

И тихий, почти невесомый голос наполнил кабинет:

— Министр Нин, догадываешься ли ты, насколько хлопотнее нам расправиться с семьёй Цуй, чем с одним министром Гэном?

На секунду у Нин Жушэня перехватило дыхание.

Но Император уже направился к выходу, просив на ходу:

— Всё, что здесь было сказано сегодня, Мы не слышали. Ступай, твоя помощь нам сегодня не потребуется.

Утирая капли холодного пота со лба, Дэ Цюань лихорадочно поспешил за ним, отчаянно радуясь, что в этот раз обошлось. Он перепугался до смерти.

Черный край императорской мантии скользнул мимо алого одеяния министра Нина.

Внезапно Нин Жушэнь протянул руку и схватил за край императорского одеяния.

Ли Утин резко остановился и посмотрел вниз.

Дэ Цюань готов уже был упасть на колени и умолять пощадить: «О, Небеса! Что же теперь он задумал?!»

Сердце Нин Жушэня бешено колотилось, но он лишь крепче сжал черный шелк в руке. Пути назад уже не было, раз он решился на такое.

Он выдохнул и, встретившись с пронизательным взглядом императора, произнес:

— Возможно, это будет... Весьма хлопотно, но я желаю стать карающим мечом в руках Вашего Величества.

Хрупкие, словно выточенные из нефрита, пальцы, сжимавшие темную, как ночь, ткань,

казались такими тонкими, что, казалось, могли сломаться от одного прикосновения. Взгляд Ли Утина скользнул по его руке и поднялся к лицу Нин Жушэня.

Последовала короткая пауза, прежде чем император произнес всего одно слово:

— Отпусти.

Из императорского кабинета донесся звук разбившейся чашки.

В следующее мгновение, стоявшие снаружи дворцовые слуги услышали исполненный гнева, подобный раскатам грома, голос императора:

— Нин Чэнь ведет себя недопустимо! Взять его под стражу и наказать тридцатью ударами палками!

Слуги замерли, боясь даже дышать.

Никто не понимал, чем господин Нин, всегда пользовавшийся императорской милостью, мог вызвать столь яростный гнев.

По приказу императора прибыли два отряда императорской гвардии. Вскоре во дворе послышались глухие удары, от которых кровь стыла в жилах: хлоп, хлоп, хлоп...

Внутренний двор, залитый ярким солнечным светом

На широкой, крепкой деревянной скамье был туго привязан большой кусок свинины. Двое гвардейцев, стоя по обе стороны, с рвением и усердием наносили удары по свиному окороку: хлоп, хлоп, хлоп!

Нин Жушэнь, укутавшись в плащ, сидел неподалеку и маленькими глотками потягивал горячий чай.

Ну да, это была лишь хитрость, никто не должен был знать о подмене...

Но заменить его... этим? Это что, тонкий намёк¹?

Он украдкой взглянул на императора.

Лицо Ли Утина оставалось бесстрастным.

— Впервые в наших руках будет столь хрупкий меч.

Нин Жушэнь смущенно ответил:

— Что поделать, Ваше Величество, трудно отразить атаку такого меча, но он негоден для защиты.

Не дожидаясь, пока Ли Утин поймет, о чем он говорит, Нин Жушэнь повернулся к нему и ослепительно улыбнулся, обнажив два ряда мелких белых зубов.

— Быть может, мне стоит сыграть более правдоподобно, Ваше Величество?

Тонкие губы Ли Утина, казалось, дрогнули в настороженной улыбке.

Нин Жушэнь уже отставил чашку и застонал:

— А-ах... А-а-а!

С абсолютно серьезным лицом он издал жалобный болезненный всхлип.

— Ах... Ваше Величество, пощадите!..

Он стонал крайне старательно с такой убийственной серьезностью, что даже стоящему позади Дэ Цюаню стало неловко.

Через какое-то время у Ли Утина задергался глаз. И не в силах больше терпеть, приказал:

— Замолчи.

— А-ах!

Нин Жушэнь завершил своё выступление тихим всхлипом и стоном и, послушно замолчав, опустил голову и снова принялся пить чай.

Собой он был вполне доволен, стонал и стонал вполне убедительно.

Тридцать ударов палками закончились довольно быстро.

Гвардейцы, чья репутация «безжалостных убийц» была известна всем и каждому, методично убирали со скамьи изрядно потрепанный окорок.

Нин Жушэнь с восхищением и одновременно с чувством вины прошептал:

— Как им должно быть неловко.

Заставлять личную гвардию императора заниматься подобными вещами было поистине преступлением с его стороны.

— Меч в руках императора должен быть готов на все, — холодно заметил Ли Утин.

В этот момент гвардейцы, неся кусок свинины, проходили мимо Нин Жушэня. Он бросил взгляд на мясо: после тридцати ударов оно превратилось в кровавое месиво.

— Министр Нин, — раздавшийся голос вернул его к реальности.

Нин Жушэнь обернулся и увидел четко очерченный профиль Ли Утина на фоне серовато-белой стены. Взгляд императора был устремлен вдаль.

— Тебе дарована только эта возможность. Не разочаруй нас.

Он крепче сжал чашку в руках, тепло от нее разливалось от кончиков пальцев до самого сердца.

— Ваш подданный приложит все усилия, Ваше Величество.

Особняк Нин

Нин Жушэнь, едва войдя в дом, велел Син Лань принести ему бумагу и кисть, после чего склонился над столом и принялся усердно писать.

Янь Минь, подойдя ближе, поинтересовался:

— Чем занят господин?

Нин Жушэнь, не поднимая головы, ответил:

— Прилагаю все усилия.

Его слова заставили управляющего нахмуриться.

Вскоре на бумаге появился список.

Нин Жушэнь взял лист, пробежался глазами по написанному, счел, что все безупречно, и, довольный, вышел из комнаты, позвав десятерых стражников.

— Вы сейчас пойдете и добудете все, что есть в этом списке, и погромче... Эй, утихомирьтесь, и опустите оружие! Я не это имел в виду... Говорите громче, понятно? Чтобы все вокруг слышали, что вы покупаете!

Стражники в один голос ответили:

— Да, господин!

Когда их внушительные фигуры скрылись за воротами, Янь Минь подошел ближе:

— Господин, что вы им велели купить?

Нин Жушэнь с важным видом протянул ему список, демонстрируя свой «блестящий» план.

Янь Минь опустил взгляд:

«На Восточном рынке купить курильницу, на Западном — говяжьи кости; на Южном рынке нанять лекаря, на Северном — купить белого полотна».

Янь Минь непонимающе посмотрел на Нин Жушэня.

Нин Жушэнь с нетерпением спросил:

— Ну, что думаешь?

— Мне даже представить страшно, зачем всё это господину.

Не прошло и дня, как слухи разлетелись повсюду.

Нин Жушэнь, лежа на мягкой кушетке во дворе, щурился, наслаждаясь лучами заходящего

солнца.

— Ну, что сейчас говорят снаружи?

Янь Минь честно доложил:

— При дворе все говорят, что господин попал в немилость, потому что заступился за министра Гэна и разгневал Его Императорское Величество, за что и получил тридцать ударов. После наказания господин сразу ослаб, и его накрыли белой тканью и унесли в особняк Нин.

— Они поверили?

— Да. Все говорят, что у вас сломано восемь ребер, и для вас купили десять цзиней говяжьих костей для восстановления. Всех лекарей в столице согнали и привезли в особняк, а так же доставили сюда две повозки с лекарствами, чтобы спасти вам жизнь.

Янь Минь запнулся, не решаясь продолжить.

— А эти белые шелка... Э-э, господин, не слишком ли это?..

— Нужно, чтобы все выглядело правдоподобно, — Нин Жушэнь приоткрыл глаза, и его длинные ресницы окрасились золотом закатного солнца. — Чтобы враг поверил в ложь, ты сам должен в неё уверовать.

Он задумчиво посмотрел вдаль.

— Ха, у них, должно быть, голова кругом идет.

В то же время, в зале Янсиндянь

Ли Утин, чувствуя легкое головокружение и замешательство, потер переносицу.

— Повтори-ка еще раз, что он делает?

Дэ Цюань, склонившись, доложил:

— Ваше Величество, говорят, в особняке министра Нина начали закупать белое полотно... для погребальных церемоний.

Император вздохнул.

Дэ Цюань, осторожно наблюдая за выражением лица Императора, нервно засмеялся:

— Хоть это и спектакль, но господин Нин играет уж слишком правдоподобно, Ваш слуга и сам почти поверил.

Он замолчал, и в зале воцарилась тишина.

Спустя долгое время, Ли Утин внезапно спросил:

— В тот день, Мы ведь точно его не били?

Дэ Цюань удивленно поднял глаза:

— Ваше Величество?

Ли Утин нахмурился, его охватило странное чувство неуверенности.

— И никак иначе не наказывали? Та чашка... точно в него не попала?

— Конечно же, нет, Ва...

Дэ Цюань осекся и нахмурился. Изначально он был абсолютно уверен, но после такого вопроса внезапно засомневался: господин Нин с его болезненным и слабым телом — кто знает, что могло случиться.

Он упал на колени:

— Ваш слуга, ваш слуга тоже не помнит...

Все эти слухи сбивали с толку Ли Утина.

После перерождения многие вещи стали казаться странными и нереальными, словно сон.

— Ши И.

Мужчина, появившись буквально из ниоткуда, бесшумно опустился на колени в зале.

— Сходи и посмотри, притворяется он больным или... — на полуслове Ли Утин, словно что-то вспомнив, замолчал. — Забудь. Ступай.

Ши И безмолвно поклонился, коснувшись головой пола, и исчез так же бесшумно, как и появился.

Спустя мгновение Ли Утин поднялся и посмотрел на небо за окном, которое уже начало темнеть.

— Сегодня больше нет дел, требующих нашего внимания. Мы покинем дворец.

Он должен был сам убедиться, не обманывает ли его собственный разум.

Нин Жушэнь, «тяжело больной», снова находился дома, но у ворот его особняка было непривычно тихо. Ни один из коллег не пришел навестить его, что разительно отличалось от предыдущего раза, когда у его порога и яблоку негде было упасть.

Единственным, кто пришел навестить его, был Гэн Янь.

Когда Гэн Янь с богатыми подарками вошел в особняк, он почувствовал густой запах лекарственных трав. Над главным двором вился белый дым, создавая впечатление, будто хозяин вот-вот испустит дух.

Слуги были заняты развешиванием белых полотен, и даже некому было доложить о его прибытии.

Сердце Гэн Яня тревожно екнуло, и он бросился в главный двор:

— Нин Чэнь!

Пройдя через передний двор и войдя в главный, он оказался окутан клубами белого дыма.

Когда дым рассеялся, он увидел Нин Жушэня, Янь Миня и Син Лань, сидящих за небольшим столиком и... уплетающих хого². Щеки у всех троих покраснели от еды.

Выглядели они довольными и беззаботными, словно праздновали какое-то радостное событие.

Гэн Янь буквально остолбенел.

— Пожалуй, ещё кусочек... — довольно произнес Нин Жушэнь, и, повернувшись, увидел Гэн Яня, застывшего у входа во двор. — А ты как здесь оказался?

Гэн Янь смотрел на него, беззвучно шевеля губами.

Словно вот-вот разразится бранью.

Нин Жушэнь, заметив подарочную коробку в его руках, поспешно отложил палочки и неловко и смущенно затараторил:

— Ну право не стоило, твой визит уже для меня награда... Дядя Янь, помоги же гостю, тяжело ведь держать.

Янь Минь сразу сообразил, к чему это, поэтому подошел, забрал подарок и понес его в дом.

Гэн Янь наконец пришел в себя:

— Ты это... предсмертный пир закатил?

Нин Жушэнь с восхищением спросил:

— А ты, когда навещаешь больных, всегда так красноречив и любезен?

Гэн Янь встретил его мягкий взгляд

И, вздрогнув, окончательно пришел в себя.

Спустя половину палочки на столике появились дополнительная пара палочек и миска.

А Гэн Янь выслушал всю историю от начала до конца.

И теперь серьезно думал о том, как бы вернуть свой подарок.

Нин Жушэнь, внимательно наблюдая за его выражением лица, как бы невзначай заметил:

— Знаешь, та чашка тогда пролетела прямо около моего плеча. Бах! И осколки разлетелись во все стороны!

Гэн Янь сглотнул.

— Ох...

А Нин Жушэнь, помешивая куски свинины, продолжил:

— Скамья была такой длинной, а личная гвардия императора так долго была несчастный окорок, что от него почти ничего не осталось. И когда они несли его мимо меня, Его Величество так вкрадчиво, тихо сказал: «Не разочаруй нас».

— Достаточно, достаточно! — Гэн Янь почувствовал, как мурашки побежали по коже, и чуть не выронил палочки для еды. — Я понял, ты натерпелся, не надо подробностей!

И речи больше не было о возвращении подарка.

Нин Жушэнь снова с аппетитом принялся за хого.

Но Гэн Яню кусок в горло не лез.

— Как ты можешь быть насколько беззаботен? Если хоть кто-то узнает, что ты не настолько болен...

— Было бы о чем беспокоиться, — отмахнулся Нин Жушэнь. — К моему особняку теперь только бездомные дворняги и приходят...

Гэн Янь странно скривился.

Заметив, странное выражение на лице Гэн Яня, он тут же добавил:

— Ну и ты.

Но выражение лица Гэн Яня стало ещё страннее.

Они оба с жаром сражались палочками в горшочке, как вдруг Син Лань воскликнула, смотря на вход во двор:

— Господин, к вам там бездомные дворняги... Гость! У вас ещё гость!

Нин Жушэнь нахмурился и посмотрел на Гэн Яня.

Гэн Янь удивленно посмотрел на него в ответ.

Потом оба обернулись в сторону входа во двор. Сквозь белый туман они увидели неподвижно стоящую у ворот фигуру.

Нин Жушэнь почувствовал, как его сердце пропустило удар.

Густой сумрак, смешанный с дымом, скрывал черты лица гостя.

Только силуэт был высоким и статным, да рядом стоял слуга, отчаянно пытающийся сжаться. Холодный, как нефрит, голос пронзил дым:

— Похоже, господин Нин в прекрасном расположении духа.

Нин Жушэнь затаил дыхание, ему вдруг стало дурно: Боги ему помоги, а император-то тут как

оказался?

— Ва... — начал было он, как Янь Минь рядом с ним вдруг поднялся, заставив замолчать.

Янь Мин собирался повторить свой трюк, пытаясь взять у Дэ Цюаня щедрый подарок:

— Право слово, господин, не стоило, вы пришли, и это уже...

— Не надо! — Нин Жушэн схватил Янь Миня за руку.

Ночной ветер пронёсся через двор, развеивая белый дым.

Он встретился взглядом с Ли Утином через полдвора. Взгляд императора был темнее и мрачнее вечерних сумерек. Нин Жушэн слегка сглотнул и встал, отряхивая каменный стул, приглашая его сесть:

— Прошу вас, будьте как дома, Ваше Величество.

Ли Утин смотрел на его покрасневшее лицо.

И повисшую тишину между ними вдруг прорезал холодный смешок.

¹ В китайской культуре свинья имеет противоречивое значение. С одной стороны, она символизирует материнство, нежность и богатство, с другой, имеет невежественный и ленивый характер.

² Хого — это не совсем блюдо в полном смысле этого слова, а скорее старинный китайский способ приготовления еды, когда в специально разделенный чан с двумя ароматными бульонами опускаются тонко нарезанные кусочки мяса, овощей и морепродуктов.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/12927/1134627>